

DOI: DOI: 10.24411/2470-1262-2020-10097

УДК (UDC) 81'23
Mitsushi Kitajo,
Kyoto Sangyo University,
Kyoto, Japan

Китадзё Мицуси,
Университет Киото Сангё,
Киото, Япония

For citation: Mitsushi Kitajo, (2020).
Analysis of the Direct Speech Construction from the Point of View of
the Text Linguistics and the Concept of Semantic Transitivity.
Cross-Cultural Studies: Education and Science.
Vol.5, Issue 3 (2020), pp. 133-145 (in USA)

Manuscript received: 20/08/2020

Accepted for publication: 28/09/2020

The author have read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

**АНАЛИЗ КОНСТРУКЦИИ ПРЯМОЙ РЕЧИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА И КОНЦЕПЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ
ПЕРЕХОДНОСТИ**

**ANALYSIS OF THE DIRECT SPEECH CONSTRUCTION FROM THE POINT
OF VIEW OF THE TEXT LINGUISTICS AND THE CONCEPT OF SEMANTIC
TRANSITIVITY**

Abstract:

In literary works, the direct speech construction consists of the speech of the actor and the author's words. The verbs in the author's words are divided into two large groups according to their lexical meanings: verbs indicating speech or thought and verbs that do not denote speech or thought. We call the direct speech construction with verbs of the first group “the type of verb of speech (TVS)”, and the direct speech construction with verbs of the second group “the type of verb of non-speech (TVN)”. Previous studies on the direct speech construction have not paid sufficient attention to the functional and semantic differences between TVS and TVN. The aim of the present

paper is to investigate them in terms of the parameters of “foreground” (which concerns the main characters) and the semantic transitivity of the predicate verb in the author's words. The results of the research on the frequency of use of two types of direct speech constructions show that unlike TVS, TVN bears a close connection with lexical meanings of low transitivity and tends to be used in contexts of foregrounded situations. These results coincide with the fact that typologically the phenomena of lower transitivity often deviate from the linguistic norm.

Keywords: the direct speech construction, TVS, TVN, the main characters, semantic transitivity

Аннотация:

В литературном произведении конструкция прямой речи состоит из речи действующего лица и слов автора. По своим лексическим значениям глаголы в словах автора делятся на две большие группы: 1) глаголы, указывающие на речь или мысль, и 2) глаголы, не обозначающие речи или мысли. Мы называем конструкцию прямой речи с глаголами первой группы типом глагола речевого действия (ТГР), а конструкцию прямой речи с глаголами второй группы – типом глагола неречевого действия (ТГН). Прежние исследования конструкции прямой речи не уделяли достаточного внимания функциональным и семантическим различиям между ТГР и ТГН. Наша цель состоит в том, чтобы рассмотреть текстовые характеристики ТГР и ТГН в литературном тексте с учётом главных персонажей, активно участвующих в развитии основного повествования, и выявить семантическую переходность глаголов в словах автора при ТГР и ТГН. Результаты исследования частотности употребления двух типов конструкции прямой речи показывают, что, в отличие от ТГР, ТГН имеет тесную связь с семантическими свойствами, обладающими низкой степенью переходности, и чаще употребляется при описаниях действий главных персонажей. Это явление совпадает с тем, что с типологической точки зрения феномены пониженной переходности нередко отступают от лингвистической нормы.

Ключевые слова: конструкция прямой речи, ТГР, ТГН, главные персонажи, семантическая переходность

Введение

В литературном произведении конструкция прямой речи состоит из речи действующего лица и слов автора. При чтении художественной литературы мы встречаемся с самыми разнообразными случаями употребления глаголов в словах автора. По своим лексическим значениям они делятся на две большие группы [13, с.9-11]:

1) глаголы, указывающие на речь или мысль: а) глаголы речи или мысли (говорить, сказать, спросить, ответить, решить, подумать и т. д.); б) глаголы, указывающие на характер протекания речи, на её связь с предыдущим высказыванием (начать, продолжать, закончить и т. д.); в) глаголы, выражающие цель речи (попросить, приказать, обещать и т. д.); г) глагольные словосочетания с именами существительными, близкими по значению или

образованию к глаголам речи (обратиться с вопросом, просьбой, требованием и т. д.).

2) глаголы, не обозначающие речи или мысли: а) глаголы, передающие движения, жесты, мимику (подбежать, вскочить, покачать головой, пожать плечами, улыбнуться, вздохнуть и т. д.); б) глаголы, выражающие чувства, ощущения, внутреннее состояние говорящего (обрадоваться, огорчиться, обидеться, возмутиться и т. д.).

Конструкции прямой речи с глаголами первой группы образуют тип, который мы называем типом глагола речевого действия (в дальнейшем ТГР), а конструкции прямой речи с глаголами второй группы – тип глагола неречевого действия (в дальнейшем ТГН):

(1) – Я не могу согласиться! – сказал Иван. (ТГР)

(2) – Я не могу согласиться! – встал Иван. (ТГН)

Вопрос о ТГН до сих пор не имеет полной ясности. Многие исследователи (М.Г. Бырка [3], В.Д. Левин [8], В.Л. Ринберг [12] и др.) полагают, что ТГН является одной из разновидностей ТГР. Они считают, что в словах автора при ТГН происходит эллипсис глагола речи или мысли. По определению Ю.А. Бельчикова [1], «эллипсис – пропуск того или иного члена предложения, компонента высказывания, легко восстанавливаемого из контекста, причём смысловая ясность обычно обеспечивается смысловым и / или синтаксическим параллелизмом» [1, с.592]. Иначе говоря, опущенный член предложения или компонент высказывания восстанавливается, не изменяя смысла предложения. Однако, иногда изменение смысла предложения всё же происходит. Так, в примерах (3) и (4) глаголы («встал» и «усмехнулся») представляют действие, происходящее одновременно с произнесением речи:

(3) – Я не могу согласиться! – встал Иван. (= (2))

(4) – Сейчас она тебе наворожит! – усмехнулся Антон.

В примерах (5) и (6) глаголы («встал» и «усмехнулся») обозначают действие, последовавшее за произнесением речи: Иван сказал, потом он встал (5); Антон сказал, потом он усмехнулся (6).

(5) – Я не могу согласиться! – сказал и встал Иван.

(6) – Сейчас она тебе наворожит! – сказал и усмехнулся Антон.

В примерах (7 - 10) глаголы («встал» и «усмехнулся») и деепричастия («вставая» и «усмехаясь») обозначают действие, сопутствующее во времени лишь одному из моментов произнесения речи: Иван встал, когда он говорил (7); Иван сказал, когда он вставал (8); Антон усмехнулся, когда он говорил (9); Антон сказал, когда он усмежался (10).

(7) – Я не могу согласиться! – встал, говоря это, Иван.

(8) – Я не могу согласиться! – сказал, вставая, Иван.

(9) – Сейчас она тебе наворожит! – усмехнулся, говоря это, Антон.

(10) – Сейчас она тебе наворожит! – сказал, усмежаясь, Антон.

Таким образом, ТГН не всегда выступает как эллиптическая единица.

Далее рассматривая синтаксическую разницу между ТГР и ТГН, обратим внимание на следующие факторы.

Во-первых, входит или не входит речь действующего лица в сферу действия отрицания слов автора?

При ТГР речь действующего лица отрицается, когда форма глагола в словах автора отрицательная. Пример (11) можно интерпретировать следующим образом: Иван сказал не «Я не могу согласиться!», а, например, «Я согласен!». Значит, при ТГР речь действующего лица входит в сферу действия отрицания слов автора.

(11) Иван не сказал: – Я не согласиться!

А при ТГН речь действующего лица не отрицается, когда форма глагола в словах автора отрицательная. Пример (12) нельзя истолковать так, что Иван поднялся с места не со словами «Я не могу согласиться!», а, например, «Я согласен!». Здесь отрицается глагол «поднялся».

(12) – Я не могу согласиться! – не поднялся с места Иван.

Во-вторых, относится или не относится к речи действующего лица ограничительная частица «только» в словах автора?

Ограничительная частица «только» указывает на какой-либо предел, ограничение в количестве, качестве, степени действия и т. д. Пример (13) можно понять таким образом, что «только» относится к Ивану или Ивановой речи. Иван один не соглашался, а все остальные молча согласились, или Иван не сказал ничего, кроме как «Я не могу согласиться!» (он не сказал, например, «Я уйду!»). При ТГР частица «только» в словах автора относится к речи действующего лица.

(13) – Я не могу согласиться! – только сказал Иван.

А примере (14) нельзя считать, что «только» имеет ограничительный смысл. Здесь эта частица выделяет Ивана как единственного, кто выразил несогласие. Следовательно, при ТГН частица «только» в словах автора не относится к речи действующего лица.

(14) Только Иван встал: – Я не могу согласиться!

В-третьих, можно или нельзя, употребляя слова автора, составить вопросительное предложение к речи действующего лица?

При ТГР можно составить вопросительное предложение к речи действующего лица, употребляя слова автора:

(15) – Я не могу согласиться! – сказал Иван. «Что Иван сказал?»

В примере (15) ответом на этот вопрос является речь действующего лица.

А при ТГН нельзя составить вопросительное предложение к речи действующего лица, употребляя слова автора:

(16) – Я не могу согласиться! – встал Иван. «Как Иван встал?»

В примере (16) вопросительное предложение «Как Иван встал?» требует в качестве ответа не содержания речи, а изображения жеста. Правда, можно поставить вопрос и так: «С какими словами встал Иван?», но вряд ли он будет уместен.

Три фактора свидетельствуют о том, что между речью действующего лица и словами автора при ТГР существует тесная синтаксическая связь, а при ТГН её нет.

Далее рассмотрим стилистическую разницу между ТГР и ТГН, сопоставляя прямую речь с косвенной речью. Косвенная речь отличается от прямой речи тем, что говорящий или автор интегрирует чужое высказывание в своё повествование, не сохраняя его индивидуальных языковых особенностей. При косвенной речи не существует стилистического разрыва между чужим высказыванием и повествованием говорящего или автора. ТГР может перейти в конструкцию косвенной речи (пример (17)), а ТГН не может (пример (18)), так как в этом случае нельзя устранить стилистический разрыв.

(17) Иван сказал, что он не может согласиться. (Ср. пример (1))

(18) ?? Иван встал, что он не может согласиться. (Ср. пример (2))

Итак, как видно из вышесказанного, ТГН является не одной из разновидностей ТГР, а самостоятельной конструкцией прямой речи.

Наша цель состоит в том, чтобы 1) рассмотреть текстовые характеристики ТГР и ТГН в литературном тексте с учётом главных персонажей, активно участвующих в развитии основного повествования, и 2) выявить семантическую переходность глаголов в словах автора при ТГР и ТГН. Материал взят нами из произведений 10 современных русских писателей: В.М. Шукшин «Любавины» (1965); В.Г. Распутин «Деньги для Марии» (1967); В.Н. Войнович «Лицо неприкосновенное» (1975); Р.Г. Мустонен «Ассерокс» (1986); А.Н. Рыбаков «Дети Арбата» (1987); В.С. Пикуль «Крейсера» (1988); Д.Л. Мордовцев «Господин Великий Новгород» (1990); А.А. Проханов «Шестьсот лет после битвы» (1990); М. Юзефовская «Октябрина» (1992); Е.А. Евтушенко «Не умирай прежде смерти» (1993). Всего изучено 3265 конструкций прямой речи (ТГР – 2525 примеров, ТГН – 740 примеров).

1. Главные персонажи и ТГР, ТГН

Развитие действия, сюжета проявляется в литературном произведении во взаимоотношениях героев, находящихся каждый раз в определённых ситуациях. Естественно, что не все ситуации равнозначны. Важнейшая роль принадлежит напряжённой ситуации, обозначающей переломные, эмоционально окрашенные моменты в развитии действия. Как известно, диалог - наиболее естественная форма языка, он является

основным способом коммуникации персонажей в литературном произведении. Персонажи образуют разнообразные человеческие отношения между собой. В контактах персонажей диалог порождает разновидности речевого акта, в котором воплощаются отношения персонажей. Инвариантной особенностью всех типов диалогов является динамический характер речевого взаимодействия. В художественной литературе используются экспрессивные формы передачи чужой речи (прямая речь, не собственно-прямая речь, косвенная речь и др.). В отличие от других, прямая речь, как наиболее близкая к живой речи форма передачи чужого высказывания, выделяется особой эмоциональностью. Конструкция прямой речи выступает в изобразительной функции, рисуя облик героя, у которого своя манера речевого поведения, и оживляет литературное повествование. Многие исследователи изучают текстовые функции конструкции прямой речи, определяя её как: «экспансивность» (Н.Н. Clark, R.J. Gering [4]), «субъективирование повествования» (И.Б. Голуб [6]), «кульминационный пункт повествования» (N. Waltz [18], P. Witte [20]), «театральность» (A. Wierzbicka [19]). Но они недостаточно уделяют внимания текстовой функции ТГН.

В силу абсолютной антропоцентричности содержания литературного текста, обозначения персонажей в авторской речевой структуре создают особые тематические поля. В литературной прозе все персонажи вступают в разнообразные отношения между собой. Внимание автора к персонажам может свободно перемещаться в пространстве и во времени, сопоставляя разновременные и разнопространственные явления, предметы, события и сохраняя в то же время обозримость продвижения сюжета в целом. Особенно часто автор акцентирует своё внимание на персонажах, играющих важную роль в повествовании, т.е. на тех, которые чаще других высказываются, общаются с другими персонажами, и которые могут больше других влиять на основной ход повествования. Иными словами, персонажи, которым принадлежит большое число высказываний, играют важную роль в развитии сюжета и создают фигуризованные ситуации.

В связи с этим мы проанализировали частоту употребления ТГР и ТГН со стороны персонажей, которым принадлежит большое число высказываний, и персонажей, которые высказываются редко. Результаты исследования, проведённого по всем проанализированным произведениям, сведены нами в таблицу 1.

Таблица 1. Частотность употребления ТГР, ТГН и высказываний персонажей в 10 произведениях

колич. выск	ТГР	ТГН
1	667 (26.4%)	31 (4.2%)
2-9	1331 (52.7%)	362 (48.9%)
более 10	527 (20.9%)	347 (46.9%)
итого	2525	740

$$\chi^2=277.3458, v=2, p<0.005$$

В этой таблице мы приводим данные по количеству высказываний, группируя их по числу высказываний 1, от 2 до 9 и более. Крайний слева ряд цифр означает количество

высказываний. В горизонтальных графах, следующих за цифрами, обозначающими количество высказываний, размещены данные о частотности употребления ТГР и ТГН в описаниях действий персонажей.

Что касается частотности употребления ТГР, то при описаниях действий персонажей, участвующих в диалоге 1 раз (26.4%), и персонажей, участвующих в диалоге больше 10 раз (20.9%), нет ощутимых различий. В то время как в частотности употребления ТГН при описаниях действий существует очевидная разница между персонажами, число высказываний которых составляет 1 (4.2%) и персонажами, число высказываний которых достигает более 10 (46.9%). Иначе говоря, ТГН, в отличие от ТГР, связывается с теми персонажами, которые активно участвуют в развитии основного повествования.

Приведём текст, в котором употребляют ТГР и ТГН, из предлагаемого нами для исследования литературы. В повести В. Распутина «Деньги для Марии» можно выделить 37 ситуаций, в ней 49 персонажей. Например, в 12-ой ситуации (пример (19)) действуют 5 персонажей (Кузьма, проводница, человек в белой майке, Геннадий Иванович, полковник). Проводница подводит Кузьму к мягкому купе, и там они встречают пассажиров (человека в белой майке, Геннадия Ивановича, полковника).

(19) Кузьма оборачивается – подошла проводница, уже немолодая, уставшая от поездок. Она вертит в руках билет и несколько раз переводит взгляд с него на Кузьму и обратно.

(ТГР) Кузьма хочет оправдаться и виновато **говорит**:

– В другие вагоны билетов не было.

(ТГР) (ТГН) – А вы и рады, – зло **бросает** она и, не имея возможности выгнать его, но и не желая с ним больше разговаривать, **делает знак**, чтобы он шёл за ней.

Она стучит в одну из узких, будто игрушечных, синих дверок, потом отодвигает её в сторону и, став у входа сбоку, так что Кузьма хорошо видно вместе с его сапогами, фуфайкой и армейской сумкой, говорит виновато, совсем как Кузьма перед этим говорил ей самой:

(ТГР) – Извините, пожалуйста, тут вот пассажир... – она делает паузу и, оправдываясь, **заканчивает**: – С билетом.

(ТГР) – Неужели с билетом? – шурья один глаз, удивленно **спрашивает** военный; потом Кузьма разглядит, что он полковник.

(ТГР) – Не может быть! – сидящий рядом с полковником человек в белой майке с выгибающимся брюшком испуганно **повторяет**: – Не может быть!

(ТГР) Проводница натянуто улыбается. Потом **произносит**.

– С билетом...

(ТГН) – Неужели нельзя было посадить к нам кого-нибудь без билета?! – полковник недовольно **качает головой** и даже цокает языком. – Ведь мы же вас просили.

Человек в белой майке, не сдержавшись, смеётся легким, без всякого напряжения смехом, с частыми звуками, совсем как мотор мотоцикла, работающий на средних оборотах, и полковник, выданный этим смехом, теперь тоже улыбается.

(ТГР) – Вы все шутите, с явным облегчением **говорит** проводница, по-прежнему выглядывая из-за двери. – Мне, правда, больше его некуда девать, всё занято. – Уходя, она уже и сама пытается шутить. – Но он с билетом...

(ТГН) – Заходи, заходи, – **кивает** полковник Кузьме.

Кузьма переступает в купе и у дверей останавливается.

(ТГН) – Полка твоя вон там, – полковник **показывает** вверх. – Опускай её и, если хочешь, устраивайся. Не робей, тут все свои.

– Да я не робею.

– Воевал?

– Довелось.

– Ну, тем более. Тогда ничего не страшно.

(ТГР) – Относительно того, что всё занято, она, мягко говоря, несколько присочинила, – **подаёт вдруг голос** человек, лежащий на второй нижней полке. – Рядом с нами, в девятом, тоже трое. Туда она, однако же, не пошла.

(ТГР) – Ну-у, – понимающе **отвечает** ему человек в белой майке. – К ним она так просто не пойдёт.

– А к нам, выходит, можно?

(ТГН) – Она, Геннадий Иванович, привыкла разбираться, кто из нас чего стоит. Ей удостоверения личности не нужны. И тебя она в первую же минуту рассмотрела, что ты всего-навсего какой-то там директор радиостанции, – человек в белой майке **подмигивает** полковнику.

(ТГР) – Не директор радиостанции, а председатель областного комитета по радиовещанию и телевидению, – сухо **поправляет** Геннадий Иванович.

– Поверьте, для неё это не имеет разницы.

(ТГН) – Не понимаю... – Геннадий Иванович **поджимает губы**, так и не договорив, чего он не понимает. (В.Г. Распутин «Деньги для Марии»)

Таблица 2. Частотность употребления ТГР, ТГН и высказываний персонажей в 12-ой ситуации в «Деньги для Марии»

персонаж	число высказывания	ТГР	ТГН
Кузьма	3	1	0
проводница	4	3	1
человек в белой майке	4	2	1
Геннадий Иванович	4	3	1
полковник	6	1	3
итого	21	10	6

Как видно из таблицы 2, Кузьма говорит три раза, и проводница, человек в белой майке, Геннадий Иванович – четыре раза, а полковник участвует в разговоре шесть раз. В данной ситуации полковник играет важную роль. ТГР употребляется в высказываниях всех персонажей, и ТГР показывает разные частотности употребления независимо от частотности высказываний. Тогда как ТГН находит преимущественное использование в высказываниях полковника, разговаривающего чаще всех.

2. Семантическая переходность и ТГР, ТГН

Многие исследователи (А.А. Буров [2], Н.И. Чиркова [5], М.К. Милых [11], Н. Ф. Шумилов [14], Л.В. Уманцева [16]) отмечают стилистические и лексические значения глаголов в словах автора, не упоминая о разнице между ТГР и ТГН. Другие исследователи (И.А. Мельчук [10], В.Л. Ринберг [12], Н.С. Волгина [17]) указывают, что глаголы в словах автора при ТГН имеют выраженную эмоциональную окраску. Но они не затрагивают лексико-семантическую иерархию глаголов в словах автора при ТГН.

В связи с лексико-семантикой особый интерес представляет концепция семантической переходности глаголов в словах автора, отличная от традиционного понимания грамматической переходности как способности глагола иметь прямое дополнение. Наша семантическая переходность, опирающаяся на физическое или духовное воздействие агенса на пациенса, имеет разные степени проявления, в то время как грамматическая переходность предполагает, что глагол может быть либо переходным, либо непереходным. Поэтому, с целью анализа данного явления, мы разделили по определённым семантическим признакам глаголы в словах автора при ТГР и ТГН, найденные с большой частотой в 10 произведениях. Получились 7 разрядов. Речь идёт о глаголах со значением:

а) непосредственного действия (стукнуть, подтолкнуть); **б) речи** (сказать, проститься, приказать); **в) телодвижения** (обратиться, кивнуть, махнуть руками); **г) мимики** (усмехнуться, засмеяться, вздохнуть); **д) мысли** (подумать, думать, решить); **е) эмоции** (сердиться, обидеться, обрадоваться); **ё) восприятия** (посмотреть, смотреть, глянуть).

Выбранные для классификации признаки представляют собой модификацию свойств, которые Т. Tsunoda [15] употребляет при определении прототипических переходных глаголов. Между прочим, в наших материалах встречаются глаголы (61 пример), обозначающие «движение». Но, что касается глаголов движения, единый взгляд на степень

воздействия на пациенса не выработан, поэтому семантической переходности «движения» мы уточнять не будем.

Итак, проанализировав семантическую переходность 7 разрядов лексических значений, можно сказать что: а) «непосредственное действие» физически воздействует на пациенса и оказывает на него сильное влияние; б) «речь» слабее воздействует на пациенса, хотя оказывает воздействие на его слух; в) «телодвижение» и г) «мимика» воздействуют только на зрение пациенса; д) «мысль» и е) «эмоция» предполагают духовную ориентацию на пациенса, а не физическое воздействие на него. ё) «восприятие» предполагает узнавание предметов и явлений внешнего мира путём когнитивных процессов (без специально направленного действия на пациенса, которое бы произвело в нём изменение). Степени семантической переходности нашей классификации можно представить следующим образом:

выше ← степень семантической переходности → ниже				
а) непосредственное действие	б) речь	в) телодвижение г) мимика	д) мысль е) эмоция	ё) восприятие

В связи с этой таблицей, классифицируя в наших материалах глаголы в словах автора при ТГР и ТГН по лексическим значениям, мы свели их частотность употребления в таблицу 3.

Таблица 3. Частотность употребления ТГР и ТГН в зависимости от семантики

	выше ← степень семантической переходности → ниже							итого
	а	б	в	г	д	е	ё	
ТГР	0 (0%)	2479 (98.2%)	0 (0%)	0 (0%)	46 (1.8%)	0 (0%)	0 (0%)	2525
ТГН	14 (2.1%)	0 (0%)	221 (32.5%)	232 (34.2%)	0 (0%)	137 (20.2%)	75 (11.0%)	679

$\chi^2=619.7042$. $v=1$. $p<0.005$ (Вычтены глаголы «движение»: ТГР (0), ТГН (61))

Как показывает таблица, естественным образом, в подавляющем большинстве (98.2%) употреблены глаголы в словах автора при ТГР, обозначающие «речь» (пример (20)):

(20) – В стан! Домой! – хрипло **приказал** он. (Д.Л. Мордовцев «Господин Великий Новгород»)

Наше внимание привлекает частотность употребления глаголов в словах автора при ТГН по их семантикам. При ТГН заметно распределение использования глаголов, обладающих низкой степенью переходности: «телодвижение» (32.5%) (пример (21)), «мимика» (34.2%) (пример (22)), «эмоция» (20.2%) (пример (23)) и «восприятие» (11.0%) (пример (24)).

(21) – Наверно, у себя в номере... – **пожал плечами** Великий Дегустатор. (Е.А.

Евтушенко «Не умирай прежде смерти»)

(22) – Да, русская, – **улыбнулась** она – Спасибо, я поела перед дорогой. (Р. Г. Мустонен «Ассерокс»)

(23) – Снесут? Как же так! – неожиданно **взорвался** Илья. (М. Юзефовская «Октябрина»)

(24) – Куда? – она с любопытством **оглядела** хорошенькую Надю. (А.Н. Рыбаков «Дети Арбата»)

В то время как при ТГН частотность употребления глаголов, обозначающих высокой степенью переходности «непосредственное действие» (2.1%) (пример (25)), чрезвычайно низка.

(25) – Иди! – Кузьма **подтолкнул** его в спину. (В.М. Шукшин «Любавины»)

Как уже было сказано, ТГН является конструкцией прямой речи, которая не имеет глаголов речи. То есть в семантическом отношении при ТГН речь действующего лица и слова автора не соотносятся между собой. Кроме этого ТГН используется гораздо реже, чем ТГР, и судя по частоте употребления, ТГН представляет собой маркированную конструкцию прямой речи. Другими словами, ТГН входит в солецизм. Имея в виду степени семантической переходности, мы можем представить, что в отличие от ТГР, ТГН имеет тесную связь с семантическими свойствами, обладающими низкой степенью переходности. Это явление совпадает с тем, что « с типологической точки зрения феномены пониженной переходности нередко отступают от лингвистической нормы» [7, с.64].

Заключение

На основе данных из 10 современных русских литературных произведений нами рассмотрено употребление двух типов конструкции прямой речи (ТГР и ТГН) с точки зрения лингвистики текста и концепции семантической переходности. Сделаны следующие выводы:

1) Текстовые функции ТГР и ТГН

ТГН чаще употребляется при описаниях действий главных персонажей, чем ТГР.

2) Лексические семантики ТГР и ТГН

ТГН имеет более сильные отношения с пониженной переходностью, чем ТГР.

Автор текста имеет возможность выбрать язык, на котором он строит текст. «Важным средством информационной активизации структуры является её нарушение. Художественный текст – это не просто реализация структурных норм, но и их нарушение. Жизнь художественного текста – в их взаимном напряжении» [9, с.283]. Это отражено в использовании ТГН.

References:

1. Bel'chikov Yu.A. (1990) Ellipsis // *Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moskva.
2. Burov A.A. (1983) Glagoly vvoda pryamoj rechi v khudozhestvennom tekste [verbs introducing direct speech in the literary text] // *Russkij yazyk v shkole*. No2. pp.85-87.
3. Byrka M.G. (1986) Ellipsis glagolov govoreniya v predlozhenii I realizatsiya okh funktsii glagolami inykh leksicheskikh grupp [Ellipsis of speaking verbs in a sentence and the implementation of their function by verbs of other lexical groups] // *Funktsial'no-semanticheskij aspekt yazykovykh edinit raznykh urovnej (romano-germanskaya filologiya* [Functional and semantic aspect of linguistic units of different levels (Romano-Germanic philology)]. Kishinev.
4. Clark H. H., Gerring R. J. (1990) Quotations as demonstrations. // *Language* 66, № 4, pp.764-805.
5. Chirkova N.I. (1992) *Reprezentatsiya dialoga v khudozhestvennom prozaicheskom tekste: (na materiale romanov I.A. Goncharova "Obyknovennaya istoriya", "Oblomov", "Obryv")* [Representation of dialogue in fictional prose text: (based on the novels by I.A. Goncharov "An Ordinary History", "Oblomov", "Break")]. Avtoref. dis... kand. filol. nauk [Abstract of dissertation for the degree of candidate of philology]. SPb.
6. Golub I.B. (1989) *Grammaticheskaja stilistika sovremennogo russkogo jazyka* [Grammatical stylistics of modern Russian language]. Moskva.
7. Kitajo M. (2011) *K voprosu o kolebanii v upotreblenii vremennykh form russkikh dejstvitel'nykh prichastij nesovershennogo vida* [On fluctuation in the use of temporary forms of Russian active participles of the imperfective aspect] // *Vestnik MGGU im. M.A.Sholokhova. Seriya «Filologicheskie nauki»*. No1. pp.53-64
8. Levin V.D. (1960) *Pryamaya, kosvennaya i nesobstvenno-pryamaya rech'* [Direct, indirect and improperly direct speech] // *Grammatika resskogo yazyka* [Russian grammar]. Tom II, Ch.2. Moskva.
9. Lotman Yu.M. (1998) *Ob iskusstve* [About art]. Iskusstvo – SPB. Sankt-Peterburg.
10. Mel'chuk I.A. (1995) *Russian Direct Speech Sentences wuth Verbs of Emotion*. In *Russkij yazyk v modeli "Smysl-Tekst"*. pp.215-234. Moskau-Wien.
11. Milykh M.K. (1962) *Konstruktsii s pryamoj rech'yu v sovremennom russkom yazyke* [Constructions with direct speech in modern Russian]. Avtoref. dis... dokt. filol. nauk [Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology]. Leningrad.
12. Rinberg V.L. (1987) *Konstruktsii chuzhoj rech' v sisteme svyaznogo teksta v sovremennom russkom yazyke* [Structures of someone else's speech in the system of coherent text in modern Russian]. L'vov.
13. Rozental' D.E., Telenkova M.A. (1985) *Avtorskie slova* [Author's words] // *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-reference of linguistic terms]. Moskva. pp.9-11.
14. Shumilov N.F. (1959) *Stilisticheskie funktsii avtorskikh slov v konstruktsiyakh s pryamoj rech'yu* [Stylistic functions of author's words in constructions with direct speech] // *Russkij yazyk v shkole*. No2. pp.36-38.

15. Tsunoda T. (1985) Remarks on transitivity // Journal of Linguistics 21. pp.385-396.
16. Umantseva L.V. (1980) Leksiko-grammaticheskie svojstva glagolov i glagol'nykh slovosochetaniy, vvodyashchikh pryamuyu rech' [Lexico-grammatical properties of verbs and verb phrases that introduce direct speech]. Avtoref. dis... kand. filol. nauk [Abstract of dissertation for the degree of candidate of philology]. Moskva.
17. Volgina N.S. (1979) Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka [Syntax of the modern Russian language]. Vysshaya shkola. Moskva.
18. Waltz N. (1976) Discourse functions of Guanano sentence and paragraph. // Discourse grammar, pp.21-145.
19. Wierzbicka A. (1974) The semantics of direct and indirect discourse. // Papers in linguistics. Vol.7. №3-4, pp.267-307.
20. Witte P. (1976) Function of the Andoke copulative in discourse and sentence structure. // Discourse grammar, pp.253-288.

Information about the author:

Kitajo Mitsushi (Kyoto, Japan) - Ph.D. The owner of the Medal of Pushkin (Russian Federation National Award), professor, Head of the department of Russian language, Faculty of foreign studies, Kyoto Sangyo University. e-mail: kitajo@cc.kyoto-su.ac.jp

Acknowledgements:

I want to express my gratitude to the Library of the University Kyoto Sangyo for providing the opportunity to use its electronic materials!

Я хочу выразить благодарность Библиотеке Университета Киото Сангё за предоставление возможности пользоваться ее электронными материалами!

Contribution of the author: the author contributed a lot to the research.